

London Prize presents

Людмила **МОХОВИКОВА**

**Восхождение
к новой жизни**

Лондонская премия представляет писателя

Людмила Моховикова

**Восхождение к новой
жизни (сборник)**

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 82.091
ББК 84(2)6

Моховикова Л.

Восхождение к новой жизни (сборник) / Л. Моховикова —
«ИП Березина Г.Н.», 2019 — (Лондонская премия представляет
писателя)

ISBN 978-5-00153-178-4

В сборнике романов «Восхождение к новой жизни» два романа – «Новая жизнь» и «В огне страстей». Герои романов – люди неординарные, по-своему талантливые, порой противоречивые, но стремятся они к одному – понять смысл жизни, бытия на этой земле, созданного Господом. В чем счастье? Как добиться, чтобы душа была удовлетворена земной жизнью и одновременно удостоилась Царства Божия, которое непременно будет, так как каждое слово Господа сбывается.

УДК 82.091

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-00153-178-4

© Моховикова Л., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Новая жизнь	8
Лебедь, Рак и Щука в квадрате	9
Сергей	12
А люди все взбаламутились...	13
Катерина	14
Мама	15
Пьянство – наказание Божие	17
В чем еще провинился?	19
Улыбаться полезней...	21
Просьба	23
«Язык вперед ума рыщет»	24
Замок	25
Умерла... от огорчения	26
Я расслабляюсь...	30
Серьезный разговор	31
«Слабый пусть говорит: “Я силен”»	32
Худеть или толстеть?	33
Он разводится!	35
Разгром...	36
Заявление	38
Звонок	39
Завистливый...	40
На помощь	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Людмила Моховикова

Восхождение к новой жизни

© Людмила Моховикова, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Людмила Моховикова родилась в городе Перми в 1948 году, окончила филологический факультет Пермского госуниверситета. В 1970 г. переехала в Тольятти и устроилась работать журналистом на всемирно известный АВТОВАЗ. В 1976-м была принята в Союз журналистов СССР. Более тридцати лет трудилась журналистом на АВТОВАЗе. Написала сотни статей. В 2001 г. стала трижды лауреатом Всесоюзного конкурса публикаций по тематике АВТОВАЗа, в 2016-м – лауреатом Всесоюзного журналистского конкурса, посвященного 50-летию АВТОВАЗа.

Является членом Интернационального Союза писателей.

Первая научно-популярная книга, «Добрая жена дом сбережет», вышла в 1990 г. 100-тысячным тиражом в издательстве «Советский писатель», в 1994-м – 50-тысячным тиражом в издательстве «Современник».

1998 г. – научно-популярная книга о качестве «Должна ли страна быть бедной?» в соавторстве с академиком Ю. П. Адлером.

2001 г. – историко-биографическая книга «Был и остаюсь вазовцем».

2009 г. – книга для детей «Супергерой».

2012 г. – первое издание документально-исторической книги «Колесница судьбы автомобилизации России».

2013 г. – историко-биографическая книга «Сотворите здоровье».

2016–2017 гг. – в мультимедийном издательстве Стрельбицкого вышли: научно-популярная книга «Путешествие... к себе совершенному», детские книги «Палочка-выручалочка», «Однажды на чудо-поляне», «Добры молодцы», «Разноцветные облака» и романы «Новая жизнь», «В огне страстей», «Твоя любовь меня спасет» (роман вошел в лонг-лист конкурса «Любовь и волшебство»).

В 2017 г. вышло второе издание документально-исторической книги «Колесница судьбы автомобилизации России», посвященное 50-летию АВТОВАЗа.

Написаны также пьесы, киносценарии: «Золотая клетка», «Твоя любовь спасет», «Прорыв» и анимационные сценарии по Библии: «Бытие» и «Богоматерь, Христос и дьявол», анимационные сценарии по своим сказкам: «Разноцветные облака», «Крепче камня», «Однажды на чудо-поляне», «Почему не любите?», а также сериал «Хитромудрые истории» по мотивам сказок Л. Толстого.

В 2018 г. Людмила Моховикова была включена номинантом в окончательный лонг-лист Международной Лондонской литературной премии, награждена именной плакеткой, присвоено звание «Лучший писатель года 2015–2019 гг.».

2019 г. – изданы – книга для Международного фестиваля Бориса и Глеба «Богоматерь и Иисус Христос», книга для детей «Путь вверх» (включена в лонг-лист премии им. Х. К. Андерсена), книга «Библейские изречения по темам».

Этот сборник романов, «Восхождение к новой жизни», включен в шорт-лист Международной Лондонской премии, в серии «Лондонская премия представляет писателя».

Новая жизнь

Роман

Жизнь каждого человека наполнена заботами о семье и делами на работе. И как бывает иногда трудно: то в семье что-то не ладится, то на работе какие-то конфликты. Вот так и герои романа «Новая жизнь» мечутся в этих неприятностях, нервничают, порой изводят друг друга. Но вдруг задумываются: а как улучшить жизнь, как радоваться, что ты живешь на белом свете? Вместе они находят решение... И жизнь у них преобразается. По сути, наступает новая жизнь, в которой осуществляются самые заветные мечты.

Лебедь, Рак и Щука в квадрате

Иван Иванович, начальник БОТиЗа машиностроительного предприятия, то есть бюро по организации труда и заработной платы, сидел задумчиво за столом и как бы перебирал бумажки, вникая в них. А на самом деле хмуро поглядывал на своих подчиненных, изредка приглаживая свои седеющие черные волосы широкой ладонью. Вот недоволен он своими подчиненными. По сути, его коллектив в данный момент – Лебедь, Рак и Щука в квадрате. Не всегда так было. Раньше у него был другой состав, но, увы, двое ушли на пенсию, взял молодых – парня и девушку, а они оказались Раками, то и дело упираются, не слушают его приказаний...

А Щуки у него и так уже были. Но о них не хочется и думать. Одну только Катерину можно назвать Лебедью. Характер замечательный, покладистый, ответственный. Да и хороша собой. Наградила же природа таким станом. Грудь высокая, талия тонкая, хотя уже двоих родила, бедра крутенькие, захватывающие воображение каждого мужчины. А как взглянет большими голубыми глазами в обрамлении черных длинных ресниц, так совсем сердце замирает. И не у него одного. Да-да, он видит. Ею любят многие мужчины, он даже ревнует. Хотя как он может ревновать? Она – замужняя женщина, а он – женатый мужчина. Он как бы грешит перед Господом, нарушает Заповедь: не пожелай жены ближнего своего. Он старается не желать, но почему-то внутренне знает, что с Катериной он был бы совершенно другим человеком – уверенным и счастливым. И она была бы счастлива. А то у нее муж чуть ли не алкоголик, который мучает ее ночными дебошами. А у нее двое детей. Один уже пошел учиться в школу, другого она водит в садик. Недавно выяснилось, что у него что-то с глазами... Нет-нет... это она ему сама не говорила, у них не такие уж доверительные отношения. Он... страшно сказать... подслушал, когда Катерина рассказывала в обед об этом Марии Ивановне. Он притворился, что углублен в работу. Ничего не слышит, не видит, а сам внимал с содроганием. Зрение вдруг падает у малыша...

Вот чему он по жизни научился, так это сохранять спокойствие на лице, когда внутри все клокочет... Правда, это ему боком вышло, insult-то у него был из-за Верки – гадины жены. Прости, Господи, что так говорю. Но если она, гадина, все делает назло. Он весь измучился. Insult из-за нее был, рот потом искривился. Столько уколов ему сделали, что ужас. А вообще о чем это он? Кажется, начал размышления с того, что коллектив у него плохой, все вразброд работают.

А так нельзя, неправильно. Они – БОТиЗ – должны организовывать четко работу на производстве. Явка, зарплата, прием, увольнение, отпуска, присвоение разрядов – все через них проходит. Попробуй только кому-нибудь зарплату неправильно начислить, тут же такой вой до небес поднимется. Поэтому всем нужно четко работать, самим показывать пример добросовестного исполнения своих обязанностей и приличного поведения. А эти Раки, Сергей да Люба, и опоздать могут на работу, и какими-то обалделыми приходят, что еле двигаются, не говоря уже о том, что они соображают в эти туманные дни. Потом выясняется на обеде, что ночь провели в ночных барах. Любе давно пора одуматься, замуж недавно вышла. А Сергею надо больше об учебе в финансовой академии думать, третий курс уже... Как их приструнить?

А что делать со Щуками? Это он, конечно, о Валентине, старой деве, холеной, беломраморной красавице с черными до плеч прямыми волосами, с зелеными глазами и несколько крючковатым носиком. То была сладкозвучная такая, на многих мужиков как на кандидатов в мужа смотрела, а сейчас рассвирепела, всех мужиков стала ненавидеть, всем хамит. А у них мастера – одни мужчины, все каждый день в начале смены приносят данные о явке, с ними почтительно нужно, а она встречает всех иронично:

– Ну, принесли... неужели все верно... вечно вы что-нибудь напутаете...

Приятно ли человеку такое выслушивать? Он ей столько раз замечание делал, а она опять... зыркнет да ляпнет... Все ему назло, все назло. Шука! Одно слово. А еще в любви ему объяснялась. Все ушли на обед, а она к нему на шею бросилась, на цыпочки встала, так как он большого роста:

– Люблю, люблю безмерно, вы такой... такой замечательный... – жарко зашептала, обнимая.

Ему пришлось сурово сказать:

– Одумайтесь, что вы творите? Я женат!

Прослышала, видать, что он с женой несчастлив, вот и стала объясняться. А она ему вовсе не нравится. Эта беломраморная ехидна. А кто вообще проболтался, что у него плохо с женой? Ну конечно, еще одна Шука – Мария Ивановна, Мариша. Он вместе с ней в плановом институте учился. Даже жениться хотел, такая она хорошая да скромная казалась. Личико у нее было миленькое, с прямым носиком, шоколадными прекрасными глазами. Только фигура у нее не нравилась: тяжеловатая, талии вообще нет. «А что с ней с годами будет? – думал тогда. – Вообще бомбеттой будет неподъемной». А тут вдруг Верка, ее дальняя родственница, пришла. Востроглазая, с длинными льняными волосами, шустрая, грациозная, с тонкой талией и бедрышками такими пышненькими... Правда, потом оказалось, что это был такой зрительный эффект, из-за специального покроя юбок. Эти женщины ведь могут всякие эффекты соорудить, чтобы околпачить бедных мужчин. В общем, он как на вечеринке пригласил ее танцевать, как взялся за тонкую талию, так и не смог выпустить весь вечер. Мариша, конечно, в ужасе смотрела на него... А потом вообще произошло ошеломляющее событие. Верка необъяснимым способом увела его с вечеринки к своей тетке в маленькую, душную комнату и так страстно начала его целовать... Да... страшно вспомнить... Он с ума сошел... Он на все решился и через месяц, который пролетел мгновенно в любовных утехах, сделал предложение. Что с ним такое было? Конечно, сумасшествие... Он даже не узнал, кем Верка работает, а она оказалась парикмахершей. Потом он даже обрадовался. Дома его будет подстригать. Ну и обкорнала она его однажды... со зла... О чем это он? Опять о Верке. Или нет... еще об одной Шуке в его коллективе – Марии Ивановне, бывшей Марише, так вот она – истинная, невыправимая Шука, которая до конца дней будет гвоздить, колоть его глазами, мысленно говоря:

– Ну что, наелся, женившись не на мне, а на Верке?

Зачем он только эту Маришу взял к себе в заместители? То ли пожалел, то ли не уверен был в своих силах, она казалась надежным подспорьем в бабском коллективе. Такой и была, пока с Веркой не начались дразги. Она с ней общается, родственница все-таки, а потом все разбалтывает в коллективе... Так что все знают, у него плохие отношения с женой. Она пьет, ему изменила. Он простил, но случился инсульт, так переживал, а сейчас опять что-то не то...

Господи, я совсем запутался. Помоги, если Ты есть! Что это я богохульничаю? Есть Господь, есть. Он его спас во время болезни. Он Ему так молился, так молился, даже на причастие в церковь ходил. Каялся, что не оценил Маришу, изменил ей, и вот ему теперь изменили...

Ну и о чем это я, подумал с тоской Иван Иванович. Как дальше работать с этими Раками и Шуками? С Катериной – Лебедем – ему легко работается, когда он старается не замечать ее груди и талии... и, конечно, бедер... Ну, все мы мужики такие охочие до женской красоты...

– Иван Иванович! – услышал он.

Поднял голову, перед ним стоял Сергей и язвительно на него смотрел. Долговязый, тощий, в джинсах-дудочках, с вечно взъерошенными светлыми волосами.

– Вы просили сделать справку по отпускам.

– Сделал?

– Нет. Учебные учитывать? – Сергей глупо ухмыльнулся, округлив серые глаза.

– Ты же знаешь, что я прошу сделать очередные отпуска по графику.

– А расчет положенного количества дней отпуска сделать?

- Ты что темнишь? – тихо сказал Иван Иванович. – Это совсем другая справка.
- А... ну понял... У нас в финансовой академии... – торопливо начал говорить Сергей.
- Для меня твоя финансовая академия не указ, – мрачно прервал Иван Иванович.
- Ладно, понял.

Сергей еще язвительней улыбнулся и сел на место, почти лег на стол, запустив руки в волосы. Ну что за поза в рабочее время, раздраженно подумал Иван Иванович. Но ничего не стал говорить, только рукой погладил сердце, чтобы успокоиться.

Сергей

Достал я Ивана Ивановича сегодня, подумал Сергей. И буду доставать... этого холеного кареглазого мужика высокого роста с широкими плечами. Завидно на него смотреть. Подумать только, каждый день является в костюмчике, то сером, то черном, в белой рубашке, разных галстуках. Причем, видимо, по настроению надевает. Если черный, то приходит мрачный, голубой – улыбается, красный – аж весь лучится. Зеленый галстук наденет – приходит спокойный, и весь день его невозможно вздрючить никаким вопросом.

И еще изводят его вечно начищенные до блеска крупнокалиберные ботинки. Какая бы погода ни была, ботинки у него сияют. А это высший пилотаж для мужчины – так следить за собой... И, конечно, он очень выдержанный, очень, даже если раздражен, голоса все равно не повышает, еще тише, значительней говорит. А лицо вообще становится каменным.

Да, серьезный у него соперник, с тоской думал Сергей. На пенсию еще долго не уйдет. А он, Сергей, что, так и будет просто инспектором? Он должен как-то отличиться, чтобы его заметили и повысили в должности. Но, честно говоря, он еще недостоин, учится неважно, на тройки... На экзаменах так волнуется, что руки дрожат.

А может, от пива уже руки дрожат? Вечно они с Ленкой перебирают... с этой своей неразлучной подружкой, против которой постоянно выступает мама. И внешний вид ее ей не нравится. «Мышиные глазки, курносый носик, где ты такую уродину нашел? – шипит мама. – Да еще выпивоху». А он и сам не знает, как она к нему привязалась. Ему сначала лестно было, что девушка обратила на него внимание, да такая была сладкозвучная, он якобы самый-самый клевый... а сейчас от нее одна беда.

Что-то в его жизни не так, подумал Сергей, а главное – он какой-то злой стал. Вот на Ивана Ивановича постоянно злится, так его глазами и хочется уколоть. Сергей посмотрел на Ивана Ивановича. О, как это он не заметил, что у Ивана Ивановича сегодня черный галстук, значит, мрачное у него настроение. Тоже, наверное, его гвоздит мыслями. А мысль, говорят, материальна...

Сергей вдруг почувствовал, что у него заныл зуб, причем все сильнее и сильнее. Он вскочил с места. Зубной боли он боялся страшно.

Сергей быстро подошел к Ивану Ивановичу, который мрачно на него взглянул:

– У меня зуб болит, – выпалил Сергей.

– Ну и что! – хладнокровно произнес Иван Иванович.

– Какой вы черствый, – нервно вскрикнул Сергей. – Отпустите меня в больницу.

– А справку сделал?

– Какой вы безжалостный! – произнес опять нервно Сергей.

– Ладно, ладно, иди в больницу, – нахмурился Иван Иванович. – Завтра сделаешь. Только приходи трезвый.

– А когда это я приходил пьяный? – возмутился Сергей. – Что вы вечно ко мне придираетесь?

– Успокойся, ты мужчина, – тихо сказал Иван Иванович.

– На что вы намекаете? – зло прошипел Сергей.

– Иди в больницу, – опять тихо сказал Иван Иванович. – Не баламуть людей.

А люди все взбаламутились...

– Сереженька, что случилось? – пропела Мария Ивановна, повернув к нему голову с коротко стриженными черными волосами.

– зуб заболел, – жалобно выдохнул Сергей.

– Не надо нервничать... Зубы всегда болят, когда нервничаешь... А ты разнервничался...

Мария Ивановна, подойдя к Сергею хромающей, тяжелой походкой, погладила его по плечу. Причем зыркнула на Ивана Ивановича осуждающе, так что он сразу склонился над бумагами.

Вот так тебе, торжествуяще подумал Сергей, уже почти не чувствуя зубной боли. Но раз отпросился, он решительно уйдет.

– Сережа, тебе дать телефон хорошего стоматолога? – участливо спросила Люба, посмотревшись в зеркало и поправляя свою блондинистую челку, чмокая при этом пухлыми губами.

– Давай, – уныло сказал Сергей.

– Сейчас, – проговорила Люба деловито.

Она взяла сумку, углубила в нее руку, долго шарила, приговаривая:

– Это не то, это не то... но где же записная книжка?

Наконец стала вываливать все содержимое сумки на стол.

– Люба! У тебя там официальные бумаги, – не выдержав, сказал Иван Иванович.

– Ну и что, дайте сделать хоть одно доброе дело, – дерзко ответила Люба. – Сейчас, Сергей, подожди.

Зуб у Сергея опять невыносимо заныл.

– Нет, – проговорила трагически Люба, – нет записной книжки, забыла дома или в баре... Вчера надо было записать телефон кое-кого. Я веду двойной учет. И в книжке, и на телефоне. Ой, батюшки, неужели я посеяла телефонную книжку? Какой ужас! Там такой архив! Что я буду без нее делать?

– У меня есть телефон хорошего стоматолога, – сказала Катерина, оторвавшись от бумаг.

Она быстро достала из сумки телефонную книжку и стала диктовать номер.

Сергей лихорадочно его записал и почти выбежал из БОТиЗа, зуб у него страшно болел... Денег у него не было лечить зуб, сейчас не старые советские времена, за все надо платить. Он пошел домой, клянчить деньги у матери. Ее дома не оказалось, он тогда вспомнил про древнейшее средство – соленую воду. Если ею пополоскать рот, то зуб, может, и успокоится.

Сергей налил в стакан кипяченую воду, положил чайную ложку соли. Стал полоскать усиленно и основательно, приговаривая, как учит аутотренинг:

– Все хорошо, все хорошо, зуб перестает болеть...

Боль, к счастью, действительно утихла, и Сергей пошел спать. Время было рабочее, но уснул он крепко, как всегда ночью недосыпал из-за Ленки... Надо что-то с ней делать, подумал, она явно его губит... губит его будущее, этого нельзя допустить...

Катерина

Катерине нужно было подготовить материал о корректировке аванса. Людям не хватало денег на житье, постоянно то один, то десятый просили увеличить аванс, она не отказывала – ей было жаль людей. Да и Ивана Ивановича всегда могла уговорить на это. Он очень добрый человек, хотя кажется уж очень жестким и серьезным. У него бывает такой добрый и смущенный взгляд карих глаз, что она понимает, попросит, и он с радостью согласится.

Но сегодня Иван Иванович не в духе. Опять надел черный галстук, опять сидит, почти сгорбившись над бумагами. У него, конечно, дел много. За всеми все надо проверить. Ошибки дорого стоят, да и люди нервничают, пишут жалобы...

Но у Ивана Ивановича сегодня какое-то особое настроение, будто что-то решает и не может решить. Еще и Сергей ему опять нахамил, да и Мария Ивановна съязвила, как всегда. Странная она женщина, то добрая, то злая, а особенно на Ивана Ивановича. То и дело костерит его, когда он отсутствует. Главное ругательство – жестокосердный, мог бы побольше премию на бюро выпросить, так нет... ему неудобно за свой родной коллектив слово замолвить. А ведь у них зарплата маленькая... И так далее...

И еще известно, что у них была любовь в институте, а он женился на другой. Вот, наверное, всю жизнь на него и злится. А надо бы успокоиться, подумала Катерина, злость до добра не доводит. И зачем все время про зарплату говорит, она больше нее получает и одна живет.

У нее вот зарплата действительно маленькая, но все равно жить можно... Тут сэкономишь, тут схитришь... Главное – чтобы муж не пил, вот когда запьет, тогда точно жить не на что... Та же Мария Ивановна ее и выручает. Деньги у нее всегда есть в черном кожаном кошельке, который она любит открывать, будто проверяя, сколько там денег.

Катерина вздохнула. Как тяжело жить, когда муж пьет, только и жди неприятностей... Да и разлюбила она его... вот еще беда... не может она любить опустившегося, грубого мужчину. Он и в женихах-то был грубоват, но тогда ей казалось, что это ерунда. Просто плохо воспитан, пообтешется, она поможет... Но куда там, еще грубей стал. А с годами каждая грубость больно ранит ее сердце, словно иглы втыкаются... Но куда деваться... двое детей. Надо жить.

Катерина взглянула на часы. Еще пять минут – и можно идти домой. Сегодня к Ивану Ивановичу по поводу корректировки аванса подходить не стоит. Не в духе он... Завтра, завтра... Господи, помоги день прожить... В последнее время она стала больше молиться, читать «Отче наш...». Иисус Христос сказал, как надо молиться, в Библии прочитала. Еще молитвослов купила. Есть Господь, есть, она чувствует это. Когда муж буянит, она начинает мысленно молиться, и он как-то сникает и засыпает... И тогда она ложится спать в гостиной и опять молится, молится и крепко засыпает, а утром есть новые силы, чтобы собирать одного сына в школу, другого – в садик... И бежать, бежать на работу, чтобы не дай бог не опоздать и не огорчить этим Ивана Ивановича. Она заметила, что он очень огорчается, когда кто-нибудь опаздывает, ведь они БОТиЗ, организаторы производства, сами должны следить за тем, чтобы никто не опаздывал на работу.

Мама

Сергей проснулся от толчков, довольно-таки грубых, как ему показалось. Он открыл глаза и увидел строгие серые глаза мамы.

– Ты почему спишь? Почему не на работе? – спросила мама, положив руку на полную грудь и едва сдерживаясь. Она возвышалась над ним, как скала, и это не предвещало ничего хорошего.

– У меня зуб заболел. – Сергей потянулся и сказал с улыбкой, стараясь смягчить ситуацию. – Я отпросился с работы.

– Вылечил зуб? – еще строже спросила мама.

– Нет. У меня денег нет, – стал оправдываться Сергей. – Хотел у тебя попросить, а тебя не было дома.

– Меньше надо пить – будут свои деньги, – укоризненно произнесла мама.

– Ну, опять ты о своем, не так уж я много пью, – заныл Сергей.

– Вообще это дело надо бросать, – решительно заявила мама. – Но прежде всего тебе надо бросить Ленку, которая тебя каждый день совращает.

– Ну, мама, опять ты за свое, – простонал Сергей.

– И буду, буду, пока не умру, – скороговоркой произнесла мама. – Я не могу смотреть, как ты спиваешься.

– Что ты, мама, говоришь? Я учусь в финансовой академии. У меня большое будущее.

– Нет у тебя никакого хорошего будущего с Ленкой, – непримиримо сказала мама. – Ты должен это понять. Что вы вчера делали?

– У нее сидели, телик смотрели.

– И пиво пили? – обвинительным тоном спросила мама.

– Ну...

– Что «ну»? Я тебя сегодня к ней не пущу! – внезапно закричала мама.

– Запрешь? А это насилие над свободой личности! – усмехнулся Сергей.

– Я тебе дам свободу личности! – совсем разгневалась мама.

Вдруг она схватила джинсы Сергея и начала его ими хлестать.

– Подонок! – почти заверещала мама. – Ты когда одумаешься, когда? Тебе уже двадцать два года.

Сергей вскочил, чтобы не быть в беспомощном, лежачем состоянии, выхватил у мамы джинсы, а она вдруг грузно повалилась на диван и зарыдала, да так громко, что он испугался.

– Мама, мама, успокойся, не буду я пить. Больше не буду.

– К Ленке не ходи, – еще сильнее зарыдала мама.

– Ну, это... не буду... раз ты так против. Я и сам...

– Господь тебя накажет за пьянство, за издевательство над матерью. О, если бы был жив отец! – запричитала мама.

Все, подумал Сергей, сейчас вообще такое начнется. Папа умер год назад от инфаркта, внезапно, и это стало трагедией для мамы. А тут еще он развинтился с Ленкой...

– Мама, успокойся. Со мной все будет в порядке, – сказал Сергей, стараясь говорить спокойным голосом.

Мама вытерла слезы, встала, поправила цветастое платье.

– Правда, правда, ты хоть бы почитал что...

– Что? – недоуменно спросил Сергей.

– Ну как самосовершенствоваться, нельзя так жить, как ты живешь, – вздохнула мама.

– Ну эти детские игры... самосовершенствоваться...

– Нет, человек всю жизнь совершенствуется, иначе он деградирует. Я вот тебе книжки дам. Они были для меня открытием, когда появились.

– Про аутотренинг, что ли? Ну, ты говорила мне. Я спокоен, я хорошо учусь.

– И школу ты окончил замечательно. А сейчас у тебя деградация.

Мама встала, подошла к книжной полке.

– Вот эти книги. И еще про пьянство. Маяковский знаешь как говорил:

Пиво – сгинь, и водка – сгинь!

Будет сей порок излечен.

Уменьшает он мозги,

Увеличивая печень...

Сергей рассмеялся:

– Как все просто. Уменьшает алкоголь мозги, увеличивает печень.

– А разве неправда?

– В принципе, правда.

Сергей не стал больше на эту тему распространяться. Сам завздыхал. Если вот так, рационально посмотреть, то ведь пиво ему уже навредило: память стала хуже, тупей он стал и ленивей... Точно мозги уменьшаются от пива. А от водки – и того больше.

– Пьянство – добровольное сумасшествие. Не помню, кто-то из мудрых сказал, – проговорила мама, глядя его по плечу.

– Ладно, – согласился Сергей, – давай мне эти книги, я посмотрю.

– Пьянство – это грех, – не унималась мама. – Господь накажет.

– А есть Господь-то?

– Что ты говоришь? Есть, конечно. Есть Господь, и есть дьявол и его воинство – бесы.

Вот дьявол и заставляет пить. Ой, а вдруг в тебе бесы уже сидят! – вскрикнула мама.

– Мама, ну это уже слишком, – с досадой сказал Сергей. – Нет во мне никаких бесов.

– Боюсь, что уже есть, они же влезают с этой гадостью – алкоголем.

– Мама, перестань!

– Ой, – заплакала опять мама, – храни тебя Господь! Еще хоть Библию почитай. Вот она.

Ну хоть посмотри.

– Все, все, беру и читаю книги твои полезные. Успокойся!

Мама вытерла слезы.

– Тебе можно доверять? – взволнованно спросила. – Можно?

– Можно, – сказал Сергей неуверенно, но повторил: – Можно. Не волнуйся, мама.

Вот ради мамы, подумал, он постарается. Нельзя ее огорчать, а то вдруг с ней, как с отцом, что-то случится, и тогда он будет совсем одиноким и никогда в жизни себе не простит, что не послушался мамы.

Пьянство – наказание Божие

Сергей почему-то решил сначала Библию почитать. И сразу наткнулся на слова:

«Напоите его пьяным, ибо он вознесся против Господа: пусть Моав валяется в блевотине своей, и сам будет посмеянием»;

«Горе венку гордости пьяных... шатаются от вина и сбиваются с пути от сикеры... обзумели от сикеры...»

Сикера – это водка по-древнему, подумал Сергей.

Да, действительно, Господь наказывает пьянством, подумал Сергей. А что, вообще пить нельзя? Недаром же вино было придумано и пиво, и водка.

Сергей закрыл Библию, потом почему-то открыл и вдруг опять увидел слова про пьянство. Что это? Неужели Господь ведет? Стал читать.

«Против вина не показывай себя храбрым, ибо многих погубило вино. Печь испытывает крепость лезвия закалкой, так вино испытывает сердце гордых – пьянством».

Перелистнул страницу. Опять про пьянство.

«Вина до опьянения не пей, и пьянство да не ходит с тобою в пути твоём».

«Отрада сердцу и утешение душе – вино, умеренно потребляемое вовремя».

Все ясно, подумал Сергей. Пить можно, но не до опьянения, умеренно, вовремя, то есть по случаю какому-нибудь, а не так, чтобы каждый день. Тогда пьянство ходить за тобой не будет. А чтобы не было опьянения, надо еще хорошенько закусывать. То есть потреблять алкоголь нужно в приличной обстановке, а не на лавке с девушкой, когда начинает шуметь в голове, хочется без причины хохотать и вообще делать всякие глупости...

Зазвонил сотовый телефон. Сергей взял трубку и услышал, конечно, Ленкин писклявый голосок:

– Сережик, когда встречаемся?

– Никогда. Отстань от меня, – жестко сказал Сергей, выключая телефон, но он опять зазвонил.

– Сережик, ты что, охренел?

– Нет, со мной все в порядке, я одумался и больше с тобой общаться не хочу. Поняла? Забуди мой телефон. И вообще бросай пить пиво и водку. Уменьшают они мозги, увеличивают печень.

Сергей нажал на кнопку телефона. Но он опять зазвонил.

– Ну ладно, – зазвучал спрашивающий голос Ленки, – ну не будем пить.

– Знаю я тебя. Говоришь «не будем», а потом опять меня волочешь за живым пивком в ларек. Все, не звони, отключаю телефон.

Сергей окончательно отключил телефон и стал читать, что ученые говорят об алкоголизме. По сути, подтверждают образные слова Маяковского. У пьянствующих людей увеличивается печень, а мозги сморщиваются. Ужас, какой процесс происходит страшный. Алкоголь быстро из крови переходит в ткани мозга... при этом задерживается там до пятнадцати-двадцати дней. Кошмар! Стоит один раз напиться – и пятнадцать дней ходишь с алкоголем в голове.

И еще, оказывается, женщины быстрее спиваются. Это обусловлено строением их мозга. Дело в том, что у женщин извилины головного мозга соединяются между собой гораздо большим количеством отростков – дендритов, чем у мужчин. То есть алкоголь быстро и основательно заполняет мозг. Женщины быстрее пьянеют, быстрее становятся алкоголичками.

Все понятно, что происходит с Ленкой. Она вообще алкоголичкой стала, ни дня без пива не может жить. Все, все, он с ней порывает. Мама права, она его губит. Да и он сам это понимает.

Надо с Ленкой расставаться, подумал опять Сергей. Но что ему с собой делать, как избавиться от алкогольной зависимости? Ага, вот и советы. Аутотренингом можно заняться, говорить себе: «Я равнодушен к алкогольным напиткам. Я забочусь о своем здоровье. Здоровье – первая ступень к счастью...» Еще советы спортом заняться, бегом, например.

Все, решил Сергей, возьмусь я за себя. Хватит балдеть.

В чем еще провинился?

Иван Иванович лежал на диване в тоске. Уже десять вечера, а Веры все нет. Уж точно где-то с кем-то напилась... Ну нет, если она изменяет, он уже не простит, как первый раз... Когда ему Мария сказала, что Вера изменяет ему, он не поверил, но стал наблюдать, выслеживать и убедился, что информация верная. Так что он Веру быстро к стенке припер. Она во всем призналась, но сказала, что больше не будет. Ему не хотелось тогда скандала, все-таки он руководитель, но ее измена так его потрясла, что он неожиданно упал ночью на кухне. Увидела мама, позвала папу, вызвали скорую, Вера в это время мертвецки спала. Только утром она узнала, что он в больнице. Прибежала к нему жаловаться, что его родители устроили ей скандал за измену и стали выгонять из квартиры. Он должен ее защитить. Он и стал защищать, а мама сказала, что все равно не простит, что он женился на шалаве, которая и внуков-то не могла родить... ну и так далее... Он надеялся, что мама успокоится, куда деваться, надо жить дальше... Но мама заболела от огорчения и вскоре умерла от обширного инфаркта. Отец ушел за ней через год. Год он мрачно молчал, даже ничего не говорил, когда видел, как у него дергается щека. Но вид его был страшен, под глазами темные круги, так и умер в тоске. Остались они с Верой одни в трехкомнатной квартире. Она так радовалась, смерть его родителей ее не огорчила. Вот тогда он понял, что окончательно ее ненавидит и уйдет от нее, как только представится возможность. И вот, кажется, эта возможность появилась. Несмотря на скандалы, он с ней разведется и вышвырнет ее из квартиры. Она тут не прописана, так настояла мама.

– Вот будут внуки, тогда, – говорила она.

А какие внуки, если Вера испортила себя первым абортom еще до него. Он же ничего не знал. И вообще он ничего о ней не знал, только видел ее тонкую талию и изящное тело. Вот тут-то он нагрешил. Вера для него точно наказание. А в чем он виноват? Марию попробовал, остался недоволен ее неуклюжим телом. Но характер-то у нее был замечательный. Только на это он как-то особо внимания не обращал. Ему красотку подавай. Еще тайно кое-кого попробовал... не то... А вот Вера сумела его удовлетворить сразу и бесповоротно. Он не подумал тогда, чего это она такая ловкая... где научилась? Это потом он стал ее ревновать, а она ему в ответ хохотала и говорила: какое твое дело, ну, научилась, зато ты неуч оказался... до сих пор ничего не можешь... слабак... несмотря на то что такой верзила. «Слабак? – возмутился он. – Ну тогда пошла на...» И перестал с ней заниматься сексом, тут она и загуляла... Он, конечно, стал винить себя и простил, хотя insult его ударил... Долго рот был кривой, он все ладонью его прикрывал, а то неудобно от подчиненных... Мария-то все равно, конечно, все видела, жалела его, а он мучился угрызениями совести, что не женился на ней. Она бы родила внуков, маму бы с папой не обидела, и они были бы живы.

И вот сейчас он практически раздавлен неприятностями. На работе не ладится с коллективом – и дома черт-те что... Господи, за что мне такая горестная жизнь? За блуд в юности? За то, что форму ценил выше содержания? За гордость, что лучше всех учусь, за пренебрежение к своим сверстникам? Он-де сразу станет начальником, а они – нет. У него красный диплом. Его действительно сразу назначили начальником БОТиЗа, но дальше-то он не пошел почему-то... Юрка вот в управлении работает – начальником отдела, а учился хуже него. И вообще, что такое происходит? Как стать счастливым? Здоровья уже нет, он подозревает, что у него язва, так порой желудок болит... Не видел он счастья, не видел... Может, и нет никакого счастья на этом свете? Не дал ему Господь счастья, не заслужил...

Раздался звук открываемого замка. В прихожей включился свет. Распахнулась дверь. Раздался пьяный голосок жены:

– Ты в гостиной? А почему не в спальне?

– Я при тебе туда больше не зайду и вообще тебя вышвырну к родственникам, – жестко сказал Иван Иванович.

– Не получится, – хохотнула Вера, – я от тебя никуда не уйду, я тебе такое устрою... Ха-ха, ты еще завоешь, прощения будешь, как в прошлый раз, просить.

– Я не просил прощения в прошлый раз. А если ты повторяешь прошлый раз и изменяешь мне, то уходи, я подаю на развод.

– Не поняла, – визгливо сказала Верка, – и не хочу понимать, но знай, ты от меня никуда не денешься. Изменяла и буду изменять... ты не мужик...

– Живи со своими мужиками, а меня оставь в покое.

– А мне с тобой престижно, ты же не какой-нибудь работяга... или шофер... И у тебя рост, верзила, хороший!

– Ах вот оно что! Престижно? – с иронией произнес Иван Иванович.

– Да не волнуйся, я тебе не изменяю, я просто с подругами выпила, ну и что... бывает, а завтра я встану и пойду на работу.

– Я тебя не люблю и подаю на развод, – решительно заявил Иван Иванович.

– Ничего у тебя не получится, – завизжала Верка.

Она с остервенением хлопнула дверь, послышался шум воды в ванной.

Я опять не усну, подумал Иван Иванович. Мне все равно, изменяет или нет, я просто не могу уже с ней жить... Довольно! Лучше я буду жить один... чем с этой стервой, которая и готовить-то перестала, и прибираться в квартире не хочет... У нее подруги на первом месте. А еще... еще она сама ненавидит его. Так зачем жить с такой женщиной? Завтра же сменю замок. Попрошу помочь Василия Викторовича. Он мастер на все руки... Его, правда, просить неловко, он как бы подчиненный, но он свободен. Жена у него умерла, дети уже большие. Мастером он в цехе работает, к нему хорошо относятся... любит поговорить за жизнь... Вот они завтра замок поменяют и посидят, поговорят за жизнь. Ему с женой повезло. Хорошая была женщина, но заболела... И что такое творится? Стервы живут, хорошие жены уходят в мир иной... Он сейчас к Валентине начал приглядываться... ищет пару... Надо его предупредить, что она еще та Шука, с ней связываться не нужно...

Улыбаться полезней...

Иван Иванович проснулся рано и решил наводить в БОТиЗе порядок. А то дома не ладится и на работе анархия. Но дома, как говорится, Бог с ним. А вот на работе он должен навести порядок. Сегодня он будет строгим и неумолимым. Всех инспекторов погонит в цех, проверять явку. Мало ли какие данные принесут мастера, надо все проверять. Уж сколько раз он лично ловил на недочетах.

Сам виноват, подумал о себе строго, прощал, особенно Василию Викторовичу, этому говорливому мужичку, мастеру на все руки. Но сегодня если и он попадется, а к нему должна пойти Валентина, то он...

И вдруг завздохнул тревожно: а кто мне будет новый замок в дверь вставлять? Дело архиважное и срочное. Но если что... вызову по объявлению в газете, решил Иван Иванович, хотя с Василием Викторовичем хотелось бы за жизнь поговорить. Ну ладно, ладно, тут же осудил себя. Что это он на него вдруг бочку катит? Хороший он мастер, честный. Ну, один раз попался, женщину пожалел многодетную. У нее что-то дома стряслось, и он ей явку поставил... просто сердобольный мужик...

Надену сегодня снова черный галстук, решил Иван Иванович, открыв шифоньер и поглядывая на свое осунувшееся лицо. Стрессы не красят... Дома спит стерва жена, с которой надо разводиться. Он бы и не стал, но она сама его ненавидит. Так зачем мучиться обоим? Может, он найдет еще свое новое счастье. И, может, она найдет. Он будет только счастлив от этого.

Дорога на работу казалась необычайно долгой, но вот он наконец сидел за своим столом. До начала работы оставалось пять минут, а на месте была только Мария Ивановна, и она, конечно, косо поглядывала на него. Хоть бы пожалела, подумал он с тоской. Взглядом бы пожалела, а то нет, гвоздит непримиримо, и так тяжело от этого. Ну, виноват он, виноват, не женился на ней, но что, если ее формы ему не нравились. Все равно мужику прежде всего нужны формы, а уж потом он вникнет в содержание женщины, и тогда все сольется, то есть стремление любить и лелеять появится. Это он сейчас четко понимает. По молодости он сразу ухватился за форму, обольстил его бес, если таковой есть... Ну, если есть Господь, то есть и дьявол с бесами...

Дверь открылась, и сразу вошли Катерина и Валентина, то есть Лебедь и Шука. Катерина посмотрела, как всегда, весело и даже ласково, отчего сердце радостно забило. А Валентина сердито хмыкнула. Точно черный галстук не понравился. Ну, я ей дам сегодня перцу, пусть попробует отказать идти в цех. А где эти Раки – Сергей и Люба? Опять опаздывают?

Иван Иванович взглянул на часы. Одна минута осталась. Дверь, к счастью, открылась. Бодро вошел Сергей, за ним – прихрамывая, Люба в каком-то цветастом коротком платье. Что это она хромает? А, каблук выскочил, надела, в баре опять ночь провела. Вон какая растрепанная, так и хочется крикнуть – причеши гриву, а она у нее соломенная, до плеч, с челкой до самых зеленых глаз.

Иван Иванович опустил голову, сделал вид, что стал рассматривать бумаги. Впрочем, что делать вид... надо самому работать, проверить отчеты, пока инспекторы собирают сводки у мастеров. Те один за другим потянулись... Кабинет БОТиЗа наполнился тягучими разговорами, в которые Иван Иванович старался не вникать. Наконец он сам сосредоточился на отчетах... интересная картина вырисовывается... какое-то бегство специалистов из цеха началось... это не годится, с этим надо разбираться, так и план месячный можно сорвать...

Вдруг услышал ехидный голос Валентины:

– И что вы мне опять принесли? Вы что, по форме не можете... вечно вы... такой растяпа...

Иван Иванович поднял голову и увидел, что эти слова обращены к Василию Викторовичу. Тот, среднего роста, круглолицый, лысоватый, но подтянутый и стройный, в сером халате, стоял перед Валентиной с невозмутимым и веселым видом.

– Ну ты и язва, – сказал он. – Не боишься, что у тебя будет язва?

– Шутите? – хмыкнула Валентина.

– Нет, я серьезно. Что в мир посылаешь, то тебе и вернется, – назидательно сказал Василий Викторович.

– Да ладно вам, глупости все это! – сердито проговорила Валентина.

– Это не глупости. Мысль материальна.

– Вот еще ерунда какая, – вскрикнула Валентина, недовольно потрянув головой.

– Мысль – это энергия. А от тебя плохая энергия идет, – сказал, нахмурившись, Василий Викторович.

– Как вы смеете такое говорить?

– Я смею, – строго сказал Василий Викторович. – Ты вроде как у меня начальница, но я тебя старше, и в этом роде начальник у тебя я. У меня опыта побольше. Я знаю, что улыбаться полезней, чем язвить.

– Ладно, ладно, – Валентина натужно улыбнулась.

– Ты вот ругаешься, – вздохнул Василий Викторович, – а не знаешь, что у меня произошло, может, у меня на сегодня план горит... я весь на нервах... вот и поторопился...

– Ну что, и покритиковать уж нельзя? – уже тихо спросила Валентина.

– Можно, но дружелюбным тоном, я все пойму, я исправлюсь. Вообще надо позитивно мыслить – это залог здоровья.

– Ладно, ладно, – опять натужно улыбнулась Валентина.

– Так-то лучше...

Василий Викторович направился к выходу. Иван Иванович встал и вышел вслед за ним.

Просьба

Василий Викторович шустро побежал по коридору, так что Ивану Ивановичу пришлось кричать:

- Постой, разговор есть.
- Какой разговор? – заинтересованно спросил Василий Викторович, останавливаясь.
- Да понимаешь, мне замок новый надо поставить, – смущенно сказал Иван Иванович. –

У меня руки не те... Это ты мастер на все руки.

- Ну, сделаем. Когда? – охотно согласился Василий Викторович.
- Сегодня после работы. На проходной встретимся.
- Договорились. Я успею домой сбегать. Я же раньше тебя кончаю. Замок-то какой?
- Еще не купил. В магазин вместе ходим. У тебя время есть?
- Есть. Все сделаем, – радушно улыбнулся Василий Викторович.
- Ну, договорились.

Иван Иванович нервно закурил.

– Вот это ты зря куришь, – сказал слегка укоризненно Василий Викторович.

– Знаю, что зря... а вот иногда... срываюсь... обстановка знаешь какая на заводе.

– Знаю, тяжелая, – вздохнул Василий Викторович. – За смену весь избегаю. Стал сильно нервничать. А нервничать нельзя. Язву можно сразу заработать. Я вот сильно нервничал, как все рухнуло после 1991 года. Знаешь, что это были за годы. Путч, потом разброд... предприятия рушились... Я очень нервничал, но я научился расслабляться, только этим и спасался... И сейчас спасаюсь... много стрессов, много, то металла нет, то некачественный, а то еще и ржавый, то кто-то запьет, а он единственный эту деталь делает... То надо бежать к конструкторам, то – к технологам, напортачат, а ты отвечай... Начальство с меня шкуру дерет...

– Да, тяжело тебе, – согласился Иван Иванович.

– Ну, вот я говорю... научился расслабляться. Я приспособился, в обед прикорну... и опять бегаю... Ты, я смотрю, весь напряжен.

– А что, видно? – встревоженно спросил Иван Иванович.

– Видно, ты уж прости... Мне видно. Я чуткий...

– Ну ладно... поговорим еще, – сказал Иван Иванович как можно спокойнее. – До вечера.

– До вечера, – ободряюще улыбнулся Василий Викторович и быстро зашагал дальше по коридору.

Хоть душу с ним отведу в разговорах, подумал Иван Иванович. Из рабочих в мастера выбился, но такой головастый и ведь всем интересуется, прямо ходячая энциклопедия.

«Язык вперед ума рыщет»

Иван Иванович зашел в кабинет, сел за стол, потер руки, что он всегда делал перед каким-либо объявлением, и сказал жестким тоном:

– Сегодня устраиваем всем проверку точности явки на работу. Еще выяснять вопрос, почему люди стали увольняться.

– Я вчера ходил с утра в свои бригады, – торопливо сказал Сергей.

– И сегодня сходи.

– Вы что, мне двойную зарплату будете платить? – ехидно проговорил Сергей.

– У тебя что, язык вперед ума рыщет? – сказал Иван Иванович, стараясь быть спокойным.

Сергей рассердился, но промолчал, а вот Люба сразу заныла:

– Я сегодня на высоких каблуках, а у меня что-то с ногами.

– Надень шлепки, у тебя есть.

– Но я в таком платье, что шлепки не подойдут.

«А чего ты так расфуфыриваешься на работе?» – хотелось гаркнуть Ивану Ивановичу, но он только вздохнул и медленно проговорил:

– На работу надо ходить в скромном одеянии.

– Но можно завтра? – не унималась Люба.

– Нет, сегодня и только сегодня, после обеда сдать отчеты, я должен подготовить справку.

Иван Иванович как хотел с утра, так и был неумолим. Только заметил, что Катерина что-то очень заволновалась. Вопрос какой-то у нее, подумал он. И она действительно подошла:

– Вот тут просят авансы увеличить.

– Давай список, я посмотрю.

– Вы, пожалуйста, подпишите. Очень просили, – сказала Катерина уговаривающим тоном.

– Хорошо, подпишу, – согласился Иван Иванович и улыбнулся поощрительно.

Вот Катерине – Лебедю – он готов весь день улыбаться. Она женщина супер. И по форме, и по содержанию, но, увы... она не его женщина... Хотя это тоже счастье – увидеть в жизни реальное воплощение своей мечты.

Скоро БОТиЗ опустел, даже Мария Ивановна ушла. Иван Иванович облегченно вздохнул. Сегодня все его послушались.

Замок

Иван Иванович после смены вышел на проходную и встретился с Василием Викторовичем, сразу пошли в хозяйственный магазин. Долго совещались, какой взять замок, наконец приобрели и решили зайти еще в продуктовый магазин, купить хорошего винца. Оба водку не пили принципиально. Выбрали качественное мужское «Каберне». И недорого, и полезно. А закуска?

– Без закуски не пью, – сказал Василий Викторович. – Ты же знаешь, семьдесят процентов иммунной системы находится в желудке, так, чтобы вино организму не навредило, надо закусить хорошенько.

– У меня помидоры, огурцы есть дома, сосиски.

– Подойдет, а я еще бананов куплю.

Купив целую связку бананов из пяти штук, сказал:

– Они успокаивают, ты, ежели что, на них налегай, и сердце еще укрепляют.

– Бананы? – удивился Иван Иванович.

– Ну да!

– Перехожу на бананы, – охотно согласился Иван Иванович. – А то у меня что-то сердце стало пошаливать.

– Ты что? Ты поосторожней, береги себя, – встревожился Василий Викторович.

Подшли к дому Ивана Ивановича, поднялись на четвертый этаж. Василий Викторович стал осматривать дверной замок:

– Да вроде он у тебя работает.

– Работает, но мне нужен новый.

– А что случилось?

Иван Иванович сначала стушевался, но потом прямо сказал:

– Да с женой проблема. Пьет и, похоже, загуляла. Я с ней развожусь. Она здесь не прописана. У нее жилье есть, у тетки.

– Все понятно. Опять, значит... Мы в прошлый раз за тебя переживали. Долго у тебя рот-то... маленько кривился...

– Да, долго не мог успокоиться, – проговорил смущенно Иван Иванович, невольно погладив левую щеку около рта. – Да уж вкололи мне тогда столько уколов, чесаться начал.

– Ты вот что, – задумчиво сказал Василий Викторович. – Ты все-таки не торопись... Она – твоя жена, живой человек. Уговори ее добром от тебя отойти. А то ведь скандалы будет учинять...

– Будет, – кивнул Иван Иванович.

– Ну, зачем тебе это надо... уговори ее. Я вот потерял жену... не уговорил...

– Она же у тебя умерла, – удивился Иван Иванович.

– Умерла, но как? – вдруг нервно вскричал Василий Викторович. – Как-нибудь я тебе расскажу. А сейчас вот, знаешь, я тебе сегодня замок не сделаю, инструмента у меня нужного нет. Дверь-то железная. Я завтра, ладно?

– Ладно. Но все равно мы с тобой решили посидеть, винца выпить, так что пойдем на кухню.

Умерла... от огорчения

Пошли на кухню. Иван Иванович проворно приготовил закуску: нарезал помидоров, огурцов, сыра, нажарил в микроволновке сосисок.

Василий Викторович между тем очистил три банана и нарезал аккуратными кусочками.

– Первый тост, – сказал он, – пью за усопшую жену.

– Давай, – согласился Иван Иванович.

Выпили, закусили молча. Налили еще по одной. Уже за здоровье.

– Здоровье, – сказал Василий Викторович, – первая ступень к счастью. Это еще Сократ сказал. А Чехов сравнивал здоровье со свободой. Вот я на своей жене убедился, как заболела, так словно в тисках была – из дома не могла выйти.

– А что с ней случилось? Расскажи все-таки...

– Ладно, расскажу... Такое произошло, что я понял: есть Господь, и есть темные силы. Понимаешь, реально почувствовал.

– Да ты что? Вроде как это миф, мистика...

– Нет, реальность. В общем, слушай...

Василий Викторович вздохнул и тихо заговорил:

– Ты помнишь, была у нас одна финансовая пирамида. Жена – Таисия – положила туда деньги. Говорит, там директор обалденный мужик. Красавец, высокий, статный, умный, голова – компьютер. Такие хорошие проценты дает. Да еще если проценты складывать, не брать, то сумма как на дрожжах будет расти. Я говорю: куда тебе деньги нужны? Она сердито шипит на меня: «Тебе ничего не надо. А я хочу новый дом на даче, да такой, чтобы квартиру продать можно было и жить безбедно на пенсии». Не уговоришь, загорелась... Потом стала настаивать поменять нашу трехкомнатную на двухкомнатную, а деньги вложить снова в фирму. Так меня приперла, так... что я сдался... Переехали в неудобную двушку. А дальше еще хуже... В него чуть ли не влюбилась, часто на фирму стала ходить в красивых нарядах. Однажды пришла потухшая. У него, говорит, любовниц много, всем шубы покупает, а то и машины. «А тебе что?» – спрашиваю. Отвечает: «Ничего!» Но вижу: не в себе баба. Потом вдруг прибегает. «Слышал, весь город говорит, он увел жену у одного городского начальника. Вот мужик, вот супер!» Я говорю: «Да он же грешник, ты куда смотришь, ты чему завидуешь?..» Разгневалась: «Пошел ты... Ты ничего не понимаешь в жизни... Он вон какой красавец, а ты, ты... заморыш крючковатый, сморчок... Тебе таких подвигов не совершить».

– Да, – задумчиво сказал Иван Иванович, – пережил ты встряску.

– Это еще что! – воскликнул Василий Викторович. – Фирма-то рухнула. Деньги она все потеряла, и тут такие истерики начались. Уже начала бегать, искать этого фирмача, чтобы морду разодрать... Я уж ее уговаривал: «Плюнь, забудь...» Куда там... Только и вопит. «Такие деньги потеряла...» Ой-ой! Начала проклинать фирмача, психовать... В общем, до психушки дело дошло. А там вдруг рак матки с метастазами определили. Она еще больше расстраиваться... Да тут такое началось... Вот тогда я и понял, как-то по-особенному осознал, что есть Бог и есть дьявол. Представляешь. А я натурально увидел, как действует нечистая сила.

– Неужели реально увидел? Это же скрыто бывает.

– Да, темные силы действуют скрытно, чтобы человека соблазнить. А тут было явно, чтобы напугать. Слушай дальше. Я лично был в шоке. Умер у меня двоюродный брат. Сидели все у гроба, только батюшка отпел и ушел. Заходит в комнату старший сын моего умершего двоюродного брата, и вдруг крышка гроба, которая была на винтах прикручена, с треском вырывается, то есть приподнимается вверх, переворачивается и падает на пол. Мы все в шоке. А моя жена Таисия как заголосит и выбежала. Ну не в себе баба. Да и мы не в себе были. Крышка гроба лежит на полу с винтами вывороченными. Что делать? Я встал, взял, смотрю:

винты вроде в порядке. Но как-то страшно... Выбросить их надо и новыми винтами прикрутить крышку гроба. Хоронить ведь пора... Смотрю на покойника, слегка улыбается, умер внезапно... инфаркт. Поехал домой за инструментом. А дома жена голосит в комнате... Мне успокаивать некогда, уже на кладбище надо ехать... В общем, прикрутил снова крышку к гробу, похоронили, поминки справили, и к вечеру пришел домой. Слышу, все еще ревет, хоть психушку вызывай. Начал ее успокаивать. Страшно глядеть, вся опухла от слез, только сказала:

– Уйди, ты ничего не знаешь.

– Чего я не знаю?

– Уйди, потом...

Лег спать в гостиной, слышу, перестала плакать. Слава богу, дети в этот момент были в лагере. А то бы напугала их сильно Таисия своими истериками.

– Ну, она тебе рассказала, чего ты не знал?

– Три дня молчала. Зайду в спальню, лежит с закрытыми глазами, а сама мечется, что-то бормочет. Я не знал, что делать. В больницу везти жалко, диагноз известен. Таблетки ей дам, заставлю попить. Сижусь около нее, взял отпуск. Вдруг открыла глаза и начала бормотать более ясно: «Ангелы, грешна я... надо каяться, пока не поздно... да... да, буду каяться...» И опять уснула... Я тоже пошел спать. Ночью вдруг слышу:

– Вася, Вася, иди ко мне.

Вскочил, пришел в спальню, а она вдруг с кровати встала, в ноги мне бросилась. Кричит:

– Виновата, виновата перед тобой, изменила ведь я тебе с этим... идиотом...

Ну, я сразу понял, с кем, с бизнесменом этим. А она шепчет:

– Не знаю, что со мной сделалось у него в кабинете, вдруг что-то в меня вошло, я задрожала и поняла, что люблю его... хочу стать его женой... А он улыбается, в ресторан пригласил, я и пошла... а потом и домой к нему поехала... и еще... и еще... Вася, я изменила тебе. Мне прощения нет, преисподняя меня ждет. Умру я... преисподняя есть. Ангелы мне поют... что же я наделала. Польстилась на богатство. А он меня просто использовал и выкинул из своей жизни. А мне нет жизни больше... умираю я... Прощения не прошу. Нет мне прощения.

Тут я заплакал. Что же такое сделалось, бес ее обольстил, вот она и была не в себе, изменила мне, душу свою погубила, умирает... в преисподнюю попадает... Взмолился я:

– Господи, помоги, я прощаю ее, спаси ее, видишь, как она мучается. Господи, прости ее.

Целовать начал свою Таисию, кричу:

– Я прощаю тебя, успокойся, живи, ты будешь здоровой...

– Нет, я умираю, – говорит. – Умираю за свои грехи... Вася, Господь есть, я Его видела как в тумане, корит меня, что послушалась голоса дьявола... Зачем деньги, зачем нужны деньги, если я главное потеряла – душу... Дьявол ее забрал...

Тут я опять стал ее успокаивать:

– Все будет хорошо, ты поняла все, я прощаю тебя, только живи...

А она вдруг легла на кровать, как-то странно вытянулась, и все... замерла... Когда я вызвал скорую, то констатировали смерть от инфаркта. Так я и остался один с сыновьями: одному – десять, другому – одиннадцать.

– Да, вот это история, – задумчиво сказал Иван Иванович. – Как это все понять умом?

– Сложно понять, но крышка гроба вырвалась с винтами на глазах у многих, темные силы это сделали. А в ком они были? А потом жена сказала, что в нее что-то вошло... что она в корне изменилась... Верная ведь всегда была мне... А тут в распутство ударились, денег много захотела... Вот Господь и наказал. Бумеранг, понимаешь?

– Да, видать, бумеранг, жестко он работает, все нам возвращается: и добро, и зло.

Василий Викторович налил в стопки вина.

– Помянем ее еще раз. Сердце разрывается, когда ее вспоминаю.

– Давай помянем.

Выпили, поставили стопки и сидели несколько минут молча. Потом Василий Викторович опять завздох горестно:

– Понимаешь, один я с детьми остался. Страшно одному, без матери, воспитывать, вдруг что не угляжу... Вдруг и их бес одолеет... Тут я начал молиться Господу: помоги детей воспитывать. Каждый день молюсь... неустанно молюсь... Новая жизнь у меня началась... с Господом... Вот уже пять лет прошло. В одном себя виню: что не хватило у меня ума понять все в свое время. Что темный я был. Не понял, что бес прелюбодейства и наживы в нее вселился. Ведь была такая хорошая жена, детей мне родила...

Глаза у Василия Викторовича заблестели от слез.

– Сгорела она, сгорела...

– Да, – сказал Иван Иванович. – Очень грустная история. Значит, бесы недалеко, рядом? Рядом, в том-то дело. Надо всем быть начеку. Все дурные мысли от дьявола. Она еще сильно расстраивалась, что денег много потеряла. Никак не могла успокоиться. Жгло ее это...

– Неужели нельзя было вернуть деньги? – спросил Иван Иванович.

– Нет, нельзя... Многие пострадали, так что этот фирмач много получил проклятий. Кстати, мысль материальна... вот тут я тоже в этом убедился. Он же, знаешь, как болеет. Молодой мужик, а у него руки трясутся, хотя не пьет, сейчас на инвалидности. Болезнь Паркинсона напала. Точно порчу на него навели все своими проклятиями... Ты веришь в порчу?

– Да не знаю, – растерянно сказал Иван Иванович.

– Она есть... точно есть, – решительно заявил Василий Викторович, – даже священники сейчас об этом говорят. Вот у тебя бывает такое, кто-то тебя колет?

– Бывает... на работе... замечал...

– Так это кто-то о тебе плохо думает, – сделал вывод Василий Викторович уже спокойным голосом. – Я это на себе начал чувствовать. Оглядываюсь, приглядываюсь, кому я не угодил... опять наряд не так закрыл... И нахожу ведь... Улаживаю конфликт. И сразу на душе легче становится.

– Фантастика, – удивился Иван Иванович, – как ты умудряешься справляться с большим коллективом. У меня в подчинении пять человек, я еле с ними управляюсь, а у тебя – тридцать.

– Приходится быть постоянно настороже. А нервы-то, нервы беречь надо. Я не хочу умирать так рано, как жена, да еще от огорчений... Стыдно, брат.

– Стыдно! – поспешно согласился Иван Иванович.

– Нам же жизнь на радость дана, – воскликнул Василий Викторович.

– На радость! Ну, давай еще по одной.

– По маленькой. Вино надо пить немного, не до опьянения, чтобы пьянство не ходило за тобой по пятам. Это в Библии так говорится. Читаю Библию постоянно. Ищу всякие рецепты для жизни. В ней же исконные знания.

– В Библии рецепты? – с удивлением произнес Иван Иванович.

– Ну да, что есть, что пить для здоровья. Там все написано. Я потом тебе расскажу. А теперь пора... дети ждут... Я для них теперь и отец, и мать...

– Ну, иди, доброго пути.

– Ах, вот что я тебе хотел сказать, – спохватился Василий Викторович. – Ты сам-то сейчас не нервничай. У тебя же стрессовая ситуация. Ты вот что... тебе надо научиться расслабляться, чтобы здоровье сохранить. Ты, главное, перестань нервничать. Успокойся, успокойся. Все будет хорошо. Я тебе книжку принесу, как расслабляться.

– Не надо, у меня есть.

– Но главное – все-таки молитвы. Молиться надо. Есть Господь, есть, я понял, почувствовал. Знаешь, как Он мне сейчас помогает с детьми. Вдруг мысль, проверь у них сумки, в колледже они учатся. Ну, проверяю и нахожу что-нибудь непотребное... трепку им устраиваю... И так далее. Помогает мне Господь воспитывать пацанов.

– Это хорошо, есть, значит, у тебя защита в этой жизни, – сказал Иван Иванович. – Буду молиться и я! Ты сегодня многое мне доказал.

– Да уж, раскрылся я перед тобой. Никому еще не рассказывал, что на самом деле с женой произошло...

Я расслабляюсь...

Иван Иванович решил, что, пока ждет жену для решительного разговора, почитает книжку, как расслабляться. Но сначала надо переодеться, как всегда, в домашнее трико и футболку, и вдруг передумал. Для разговора с женой он должен выглядеть солидно. В брюках и белой рубашке с галстуком, как сейчас он одет.

Вдруг подумал: а что, если в жене – Вере – тоже бесы сидят, почему она такая необузданная? Точно бесы в нее вселились, а что с этим делать? Если ей это сказать, то она обвинит его в сумасшествии, так что он лучше промолчит.

А что это он о себе не думает, может, и в нем бесы сидят. Он же вел себя несправедливо порой... Да... вот это мысль. Надо за собой понаблюдать... Скорее всего, тоже надо очищаться... Не судите, да не судимы будете, вспомнил он фразу. Вроде Иисус Христос ее сказал. Так вот, надо бы на себя оглянуться. Что он такое из себя представляет? Ладно, это дело будущего, а сейчас конкретно он должен успокоиться...

Иван Иванович взял книгу, сел в кресло, просмотрел оглавление, нашел нужный текст, прочитал, как расслабляться. Все ясно... Во-первых, выдох должен быть в два раза длиннее вдоха. Это успокаивает. Во-вторых, лучше лечь. Он лег на диван, поднял ноги и медленно их опустил, внушая, что они расслабились... Потом поднял руки и медленно опустил их, внушая, что они расслабились... Пошевелил плечами, спина расслабилась... Разжал зубы, сосредоточился на лице, на кончике носа, бровях... Лоб словно разгладился. Стал мысленно говорить себе:

– Я расслабляюсь, я успокаиваюсь. Мое лицо расслабилось... все мое тело расслабилось...

Нет, что-то не очень получается. Он очень напряжен. Но ничего, надо встать, пройтись, потом снова лечь и снова поэтапно расслабляться. Так повторить несколько раз. В конце концов почувствуешь расслабление. А я должен расслабиться обязательно, подумал Иван Иванович, перед неприятным разговором с женой, а то начнет опять трясти... А молитвослов он завтра купит. Как ему не стыдно, но он почти не умеет молиться. А Господу надо молиться, чтобы помогал. К Господу надо стремиться всей душой, иначе жизни не будет нормальной. Это он сегодня понял, Василий Викторович наглядно ему все доказал.

С четвертой попытки у Ивана Ивановича получилось расслабиться, и он неожиданно заснул...

Серьезный разговор

Дверь с шумом открылась, Иван Иванович вздрогнул, вскочил с дивана и увидел Веру, которая ехидно на него смотрела. Но она была трезвой.

Я успокаиваюсь, сказал себе Иван Иванович и прошелся по комнате.

– Пришла – проходи, садись, – твердым голосом сказал он.

– Неужели приглашаешь? – хохотнула Вера.

– Для серьезного разговора приглашаю. Садись.

Вера, ухмыляясь, села в кресло.

– Вера, я тебя давно уже не люблю и не вижу смысла с тобой жить, – решительно заявил Иван Иванович.

– А я тебе с Маришей не дам жить! – запальчиво крикнула Вера.

– При чем здесь Мария Ивановна? К ней вообще все это не относится.

– А к кому относится? Кого ты нашел? – требовательно спросила Вера.

– Никого. Представь себе. Я буду жить один. Я хочу спокойной, без всяких там эксцессов... жизни.

– У тебя ничего не получится. Я тебе такое устрою, – угрожающе произнесла Вера.

– Ничего ты не устроишь, – спокойно возразил Иван Иванович. – Ты сегодня же переезжаешь к тетке, собирай вещи.

– Вот ты как! – завизжала Вера. – Здесь я ничего не имею, никаких прав на жилплощадь, это твоя мать такое устроила. Ненавижу!

– Не трогай мою мать, – жестко сказал Иван Иванович.

– Ну и ладно, ну и все... ты сам мне надоел... Я хочу свободы, новой жизни, – с ухмылкой вдруг воскликнула Вера.

– Вот и хорошо. Наши желания совпали. Собирай вещи, я помогу отнести к такси.

– Ненавижу! Подонок! – взвизгнула Вера.

Она вскочила с кресла и выбежала из комнаты. Вскоре раздался какой-то грохот, что-то падало, разбивалось... Иван Иванович лег на диван и попытался расслабить мышцы ног, потер руки, погладил грудь. Он должен быть спокоен, что бы жена ни вытворяла в другой комнате.

Дверь распахнулась. Он вскочил, в прихожей увидел чемоданы.

– Неси! – истерично крикнула Вера.

– Сначала отдай ключи, – невозмутимо произнес Иван Иванович.

Вера кинула ключи на пол:

– Тебя это не спасет. Я тебе такое еще устрою, будешь волком выть...

Иван Иванович молча подхватил чемоданы и быстро погрузил их в лифт, сам вошел, собираясь помочь донести груз до машины.

– Не надо, пошел вон, – закричала Вера, выталкивая его из лифта.

Иван Иванович зашел в квартиру, закрыл дверь с облегченным вздохом, снова лег на диван. Сейчас он расслабился с третьей попытки. Слава богу, что он научился расслабляться, а то бы его трясло всю ночь. А надо быть завтра на работе в форме. Завтра ответственное совещание...

«Слабый пусть говорит: “Я силен”»

Сергей сделал все срочные утренние дела в БОТиЗе и только осторожно достал книгу про аутотренинг, как пришел Василий Викторович. Как всегда, последний к Валентине, подал ей торжественно сводку и вдруг увидел книгу.

– Ты, Сергей, что, эту книжку читаешь? А ты знаешь истоки аутотренинга? – задорно спросил Василий Викторович.

– Ну, Джекобсон и какой-то там... Шульц придумали, – пробормотал Сергей.

– Они вторые. А аутотренинг изобрел Сам Господь Бог!

– Что вы такое говорите? – смутился Сергей. – Зачем Ему это? Да есть ли Господь?

– Есть! – решительно заявил Василий Викторович. – И Он изобрел аутотренинг первый.

Он в Библии написал: «Слабый пусть говорит: “Я силен!”»

– Да вы что! – удивился Сергей. – Это же формула самовнушения.

– А есть еще такие строки: «Будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся», «Будьте тверды и действуйте, и будет Господь добрым», «Наблюдай и будь спокоен, и да не унывает сердце твое».

– Да, это формулы самовнушения, – согласился Сергей. – И где это вы нашли? Неужели в Библии?

– Точно. Я тебе потом дам координаты, чтобы ты убедился, – пообещал Василий Викторович.

– Василий Викторович, – недовольно сказала Валентина, – я посмотрела вашу сводку.

– Спасибо, дорогая, я побежал.

– Василий Викторович, вы так много знаете, я бы хотела поговорить с вами в обед, – вдруг сказала Мария Ивановна. – Зайдете?

– Ладно, зайду, – охотно согласился Василий Викторович.

Сергей повертел книгу и положил ее в ящик, слишком привлекает внимание. Он формулы самовнушения и так может написать, чтобы никто не заметил. Сергей взял ручку и стал писать:

«Я спокойный и выдержанный человек. Мне нравится говорить спокойным голосом. Вспылил – дело погубил. Кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает...»

В бюро быстрым широким шагом зашел Иван Иванович, поправил свой красный галстук, сел на место. Все работали, как положено, уткнувшись в бумаги или компьютеры. Он тоже стал изучать свежие сводки... и вдруг поднял голову и оглядел весь свой коллектив. Надо понять каждого... может, тоже ведут себя некоторые неадекватно из-за вселившихся бесов... Что-то его эта тема начала увлекать. Надо бы почитать в Библии, что про бесов написано... Должно быть написано. Если в людях бесы, тогда они могут быть просто несчастны от этого. Сами не понимают, что творят, в зависимости у дьявола находятся... А как очищаться? Молиться упорно точно надо. Сегодня же зайдет в церковь и купит молитвослов.

Худеть или толстеть?

Начался обед, и Иван Иванович вышел из бюро прогуляться, сходить в столовую, повидать кое-кого перед совещанием.

Василий Викторович пообедал быстренько, без очереди, мужики пустили, и пошел в БОТиЗ. Интересно, что у него хотят узнать? Да еще Мария Ивановна. Щука, так называет ее Иван Иванович. Но он не будет считать ее Щукой, он станет думать о ней как о доброй женщине.

Василий Викторович зашел в бюро и сразу направился к столу Марии Ивановны. Та уже пообедала бутербродами, пахло колбаской, и пила чай.

– Хотите чаю? – услужливо сказала она.

– Хочу, – весело проговорил Василий Викторович. – Чаек я люблю.

Мария Ивановна быстренько налила ему чай и доверительно склонилась к нему:

– Мне неудобно с вашей подчиненной общаться, поэтому я у вас хочу спросить. Это вы ей посоветовали посидеть на гречневой диете?

– Ты о Светлане говоришь? Ну да. Жалко бабу, толстеет и толстеет, тяжело ходить стало. А я узнал из интернета о гречневой диете. Сорок дней надо посидеть для очистки от шлаков. Пить шиповник или чаек. Я сам попробовал, похудел.

– Мы это заметили. И она похудела на двенадцать килограммов?

– Ну да. Полегчала на двенадцать кило. Чувствует себя хорошо. А вы тоже хотите похудеть?

– Хочу, Василий Викторович, – томно сообщила Мария Ивановна, – давно хочу, ничего не помогает, вот и решила у вас уточнить про гречневую диету. Как гречку варить?

– Обычно, но недолго. Закрывать крышкой, чтобы упрела. Не солить и масла никакого не надо добавлять.

– Все замечательно. Попробую. А может, еще что-то знаете для похудения? – спросила Мария Ивановна, лукаво шурясь.

– Знаю. Надо есть пшеничную кашу и селедку, они уменьшают жировые клетки.

– Да вы что! – воскликнула Мария Ивановна. – Жировые клетки уменьшают?

– Да! Ну, естественно, зарядку надо делать, физические упражнения.

– Ну, это уж обязательно, – согласилась Мария Ивановна. – А еще говорят, у вас есть какие-то способы.

– И еще надо делать ванны для похудения, соленые.

– Соленые, то есть потеть. С морской солью?

– Можно с поваренной. Один килограмм на ванну. Полежали, надели рубашку, закрылись потеплей и полежали до тех пор, пока рубашка не станет мокрой.

– Все понятно. Это я делала.

– А еще можно так: полежали в ванне, встали, натерлись солью «Экстра» или содой и стоите несколько минут в воде.

– Это зачем? – удивилась Мария Ивановна.

– Пот с вас пойдет ручьем, как в парной... вот и опять худеете. Тоже на себе пробовал, живот сбросил.

– Вот мы и видим, как вы построили и посвежели, – с восторгом произнесла Мария Ивановна. – Да и Светлана тоже преобразилась. Методики-то всякие похудения есть, но кто знает... эффективно или нет. А тут наглядный пример. Вы оба просто преобразились! Очень, надо сказать, хорошие способы. Нужно, нужно заниматься своим здоровьем. Спасибо за советы.

– Ну, я ответил на все ваши вопросы? – торопливо спросил Василий Викторович. – А то мне бежать надо.

– У меня еще вопрос, – сказала вдруг Валентина, которая явно подслушивала. – А вот не знаете, как потолстеть?

– Знаю. Надо есть постоянно инжир. Промыла его, естественно, залила кипятком, вскипятила и пусть стоит, набухает. Потом его съедаете и жидкость выпиваете. И так каждый день до результата. Я сам этот инжир наворачивал, вдруг аппетит на него был, а потом думаю, что я толстею, наконец прочитал и сел на гречку и похудел. И ванны, конечно, делал.

– Замечательно! – воскликнула Валентина. – Мне надо поправиться, и я теперь поправлюсь наверняка.

– Ты еще, главное, не злись и не ехидничай, а то сама себя ешь, – посоветовал Василий Викторович. – Это негативные эмоции, они ухудшают кровь, обмен веществ. А главное, бабоньки, молиться надо, просить здоровья у Господа. А то есть примеры. Худеют, здороваются – и вдруг неожиданно отдают концы. Господь, значит, так управил.

– Ладно, ладно, – хохотнула Валентина, махнув на него рукой. – Будем молиться...

Сергей тоже прислушивался к разговору, он вообще худоват, ему бы не мешало для солидности поправиться. Итак, надо есть инжир... сделал он заключение и снова углубился в книжку. У него проблема: он утром плохо встает... и всегда на грани опоздания. А это будущему руководителю не пристало... А что касается молитв, надо подумать, пока у него это в голове не укладывается...

Он разводится!

– А где это у нас Иван Иванович? – спросила Катерина.
– Зачем он тебе? – ревниво поинтересовалась Мария Ивановна.
– Да неясная ситуация с авансами, – задумчиво проговорила Катерина. – Обещал вообще-то подписать.

– А вот мне не подписывает, – резко сказала Валентина.

– Иван Иванович ушел на ответственное совещание, – важно сообщила Мария Ивановна. – Придет часа через два, а то и три...

– Все понятно, – вздохнула Катерина и включила компьютер, который всегда выключала на время обеда.

На столе Ивана Ивановича зазвонил телефон. Мария Ивановна взяла трубку.

– Алло! – солидно произнесла она. – Да, это я. Что? – расстроено вскрикнула она. – Подлец? Тебя выгнал? Подает на развод? Ну, это его дело! А ты что меня-то ругаешь? Я никогда не мешала вам жить. Я вообще ни в чем вам не мешала. Он сам взял меня в заместители, я не напрашивалась. Не кричи! Сама виновата!

Мария Ивановна бросила трубку и медленно, тяжело подошла к своему столу, села, обхватив склоненную голову руками. Видно было, что она вся дрожит.

Катерина сразу к ней быстро подошла, обняла.

– Что случилось? – спросила успокаивающим тоном.

– Иван Иванович разводится, – плаксиво сказала Мария Ивановна, приподняв голову. – А я при чем? Я же все терпела...

– Ну что вы плачете-то? Вы давно этого ждали.

– Ждала, – закивала головой Мария Ивановна. – Жалела его, но это так неожиданно. Он решился, он выгнал вчера ее из квартиры к тетке, где она прописана. Она так его мучила, так мучила... Так мучила его родителей, они из-за нее умерли... О, неужели это возмездие?

– За все приходится платить, – вздохнув, сказала Катерина. – Успокойтесь! Не подавайте виду, что она звонила, что вы что-то знаете. И вообще все молчите, – Катерина обвела всех взглядом строгих голубых глаз. – Ему будет неприятно, что мы в курсе его семейных дел. Ему и так тяжело.

– Да-да, не волнуйся, – поспешно сказала Валентина. – Никто и виду не подаст. Он сегодня надел красный галстук, значит, у него хорошее настроение, и до инсульта в этот раз не дойдет.

– Не дай Бог опять инсульт, – плаксиво произнесла Мария Ивановна, замотав головой.

Разгром...

Иван Иванович после совещания зашел в цех, встретил Василия Викторовича.

– Придешь ко мне сегодня? – осторожно спросил Иван Иванович.

– Приду, не переживай, – быстро ответил Василий Викторович. – Поставим новый замок.

Как дела-то?

– Да вчера выехала, объявил о разводе, – тихо сообщил Иван Иванович.

– Ключи взял?

– Взял, но что-то тревожно весь день. У нее, кажется, есть запасные.

– Неспроста тревога, – Василий Викторович тронул его за плечо. – Ну, ты все равно успокойся... а там увидишь...

– Ладно, видно будет, – сказал Иван Иванович, приободряясь. – Дела прежде всего. На совещании надавали заданий.

– Ну, дерзай! – улыбнулся Василий Викторович. – Пока.

Иван Иванович не спеша открыл дверь своей квартиры и сразу увидел... разгром... Его одежда беспорядочно валялась на полу. Костюмы, джинсы были обсыпаны чем-то белым. Рубашки были разрезаны, галстуки тоже валялись в обрезках. Но это не беда, новые можно купить. Главное – эта стерва разбила мамин любимый сервиз с рисунками ангелов. Такой красивый, такой дорогой. Мама его очень берегла. И вот теперь сервиз валялся вместе с разрезанными рубашками весь в осколках, больших и малых.

У Ивана Иванович сразу заболело сердце, он лег на диван и не мог пошевелиться. Раздался звонок, пришел Василий Викторович. Иван Иванович еле встал, открыл дверь и услышал его возмущенный голос:

– Вот чертяка, все-таки нагадила.

– Да уж... постаралась.

– Ну, ты все равно успокойся! Что ты такой бледный?

– Сердце что-то. Ты делай. Я лягу.

Иван Иванович пошел, лег на диван, но Василий Викторович захлопотал около него:

– Лекарства от сердца есть?

– Там, на кухне. Вроде корвалол, – вяло сказал Иван Иванович.

Василий Викторович ушел на кухню, но что-то там долго копался, потом принес лекарство в чашке, подал, сел рядом на стул.

– Полегчало? – спросил участливо.

– Да, лучше.

– А может, скорую вызвать?

– Нет, не надо. Отойдет... бывает так...

– Тогда ты вот что, расслабься, а я буду замок новый вставлять.

Василий Викторович ушел, и слышно было, как он шумел в прихожей. Но Иван Иванович расслабиться никак не мог, страшно было при этих болях в сердце поднимать ноги, руки... Лежал напряженно, поглаживая рукою грудь, надеясь, что это успокоит.

Как он завтра пойдет на работу? Рубашек нет, а та, что на нем, уже не блещет чистотой, галстук один, красный. Нет, он не пойдет завтра на работу, возьмет выходной, напишет заявление и попросит Василия Викторовича отнести. Только категорически прикажет ему никому не рассказывать, что произошло. По большому счету вызвать бы полицию. Но это такая канитель. Лучше он не будет этого делать. А новый замок предохранит его от дальнейших покушений. Стерва и есть стерва. Обещала кое-что устроить – и устроила.

– А что это белое по всем комнатам разбросано? – вдруг спросил Василий Викторович.

– Мука, – слабо произнес Иван Иванович. – В муку меня хочет стереть.

– Она что, колдунья? – презрительно сказал Василий Викторович.

– Да вроде нет. А вот подруга у нее новая объявилась, какая-то колдунья, – задумчиво ответил Иван Иванович.

– Значит, белую смерть тебе пророчат. Ну и сволочи. Но ты не тушуйся, не бойся, слышишь. Главное – не бояться и еще «Отче наш...» читать. Моли Господа помочь.

Иван Иванович не ответил, но сам подумал, молиться надо... Грехи замаливать, просить благословения на дальнейшую жизнь. Новую жизнь. Да, у него должна начаться новая жизнь.

Заявление

Василий Викторович, как и обещал Ивану Ивановичу, с утра сразу пошел в БОТиЗ.

– Девоньки, – громогласно сказал он, – вот заявление от вашего шефа принес, оприходуйте.

– Что за заявление? – взволнованно спросила Мария Ивановка, почти выхватывая листок. – Без содержания? Что случилось? Василий Викторович, вы что, у него дома были?

– Да, был. И больше ничего не скажу. Кроме того, что он сегодня занят.

– Такого быть не может, – воскликнула Мария Ивановна, – чтобы он пренебрег работой и приличиями. Что-то случилось? Признавайтесь!

– Щучка ты моя дорогая, придет время, все узнаешь, – улыбнулся Василий Викторович.

– Я – Щучка, что вы себе позволяете? – возмутилась Мария Ивановна.

– Я пошутил, простите, ну, я побежал, – ретировался Василий Викторович. – Дела, дела. Валентина, я к тебе потом.

Он выскочил из БОТиЗа, почесывая голову. Вот бабы какие, быстро шум подняли. Нет для них секретов. Но он же выдержал натиск, выдержал. Только зачем Марию Ивановну Щучкой-то назвал? Прокол!

Звонок

Мария Ивановна не могла успокоиться. Она пойдет на преступление. Но заявление оформлять не будет. Сегодня нет никаких совещаний, и никто ничего не заметит. В случае чего как-нибудь отговорится. Или нет... она что, с ума сошла – нарушать инструкцию? Она встала кряхтя, правое колено болело, и пошла к начальнику БОТиЗа. Он, конечно, подписал заявление. Всякое в жизни бывает. Ивана Ивановича он очень уважал.

Мария Ивановна вернулась в бюро, но работать не могла. Ей мерещились всякие несчастья с Иваном Ивановичем. Главное – он решил разводиться с Веркой, и как бы ему из-за этого не стало плохо. Верка очень коварная!

Раздался телефонный звонок. Мария Ивановна торопливо взяла трубку и сразу услышала визгливый голос Верки:

– Я ему такое устроила... такое... мукой все обсыпала... смерть ему, смерть, рубашки, галстуки порезала...

– Ты что, с ума сошла? – гневно спросила Мария Ивановна.

– Материн сервиз к черту разбила, пусть теперь над ним плачет. Еще не такое сделаю. Предупреди его!

Раздались короткие гудки. Мария Ивановна положила трубку с сильно бьющимся сердцем. Все понятно: он дома, в квартире, обсыпанной белой смертью, да еще засыпанной осколками сервиза и разодранными рубашками и галстуками. У него же опять инсульт будет.

– Девочки, – плаксиво воскликнула Мария Ивановна, – такое случилось!

Все сразу повскакивали со своих мест и окружили ее.

– Расскажите подробно!

– Ой, не могу, не могу... она мукой... белой смертью... все обсыпала... разбила сервиз... рубашки разрезала, – взволнованно и сбивчиво стала говорить Мария Ивановна, махая руками.

– Мария Ивановна, – сказала Катерина, – прежде всего успокойтесь. Кто она?

– Стерва. Верка, жена...

Прошло несколько минут, пока Мария Ивановна успокаивалась с помощью корвалола, который дала предупредительная Катерина, и смогла все передать, что услышала по телефону от Верки. Все были возмущены. А что делать? Надо что-то делать!

– Я к нему не могу пойти, – чуть не плакала Мария Ивановна. – Он сразу подумает, что я навязываюсь. Валентина, может быть, ты сходишь, сможешь прибраться?

– Нет, что вы... я боюсь, – зашептала Валентина.

– Я схожу, – спокойно сказала Катерина. – Я его уговорю не волноваться и все приберу... Рубашки можно купить, галстуки – тоже...

– Катерина, спаси его, – взмолилась Мария Ивановна. – Господи, спаси его от инсульта. У него, наверное, опять давление подскочило...

– Я сначала зайду в аптеку, куплю на всякий случай лекарства, – хладнокровно сказала Катерина. – А если что, вызову скорую.

– Вызови, вызови, – простонала Мария Ивановна. – Иди немедленно, я тебя отпускаю. У тебя есть срочные дела?

– Подождут в такое время, – вздохнула Катерина.

Завистливый...

Сергей, пользуясь моментом, что нет Ивана Ивановича, а Мария Ивановна не в себе, начал опять читать украдкой очередную книгу, которую дала мама. Брал так, на всякий случай. Вдруг удастся еще что-нибудь почитать на работе. Уж очень ему хотелось скорей усовершенствоваться. Он увидел заголовок «Зависть – враг счастливых».

Это к нему точно относится. Он очень завистливый. На работе завидует до ненависти Ивану Ивановичу и Марии Ивановне – своим непосредственным руководителям. Собранные, умные, компетентные, их впросак не поставишь. А сверстникам он во всем завидует. Кто машину купил на отцовские деньги, а у него этого никогда не будет. Кто джинсы купил обалденные, кто – кроссовки, кто – телефон, кто девушку заимел красавицу и умницу, кто лучше его оценку в финансовой академии получил, кто... Да мало ли чего... Всему завидует, колет, режет его эта зависть...

Ага, вот поговорки: «Чужим здоровьем болен», «Глядя на людей, сохнет». Это про него. От зависти пожелтел. Это ему грозит. А вот еще пословица: «Кто чужого желает, тот скоро свое утратит». Вот это уже угроза ему. У него не так уж много благ, чтобы еще их потерять.

А вот что написал Демокрит: «Завистливый человек причиняет огорчение самому себе словно врагу». Точно, будто он себе враг, так страдает из-за зависти.

Вот еще что в Библии написано: «Зависть – гниль для костей». Что же делать, как бороться с этим чувством, которое еще с детства в нем укоренилось? Из-за этого маме с папой такие концерты устраивал: «Купите мне, как у Вовки, велосипед». – «Нет денег». – «А почему у Вовкиных родителей есть? Вы что, плохие люди?» Как он смел такое говорить? Потом очухался, молчал, но стал завидовать так, что желал, чтобы машина у другого сломалась, девушка спилась и так далее. Грязные у него мозги стали. Недоброжелательным он стал человеком. Вот что написано:

«Поразмышляйте еще вот над такими высказываниями Стендаля: "...если кто-либо ненавидит людей, стоящих выше, если кто-либо к людям с высокими умами проявляет ненависть, то такой человек навсегда останется посредственностью. Отсюда – человек, завидующий всему миру, всегда останется убогим человеком"».

Нет, подумал Сергей, я убогим человеком быть не хочу. Значит, надо себе внушать: «Я – доброжелательный человек. Я радуюсь успехам других. Способности других меня радуют. Я тоже могу многого добиться в жизни. Я – доброжелательный человек. Я люблю поздравлять с успехами других».

Все, я понял, буду стараться. Почему бы мне иногда не хвалить своих товарищей. Вот сделаю такой первый шаг, сделаю... буду, буду доброжелательным.

Сергей поднял голову, оглядел БОТиЗ. Катерины уже не было, ушла спасать Ивана Ивановича. Вот она – точно очень доброжелательный человек. Валентина – ехидна, тоже больна завистью. Ну вот гольная посредственность. Я таким никогда больше не буду. Ну все, пора делать отчет... Обед закончился.

На помощь

Иван Иванович лежал в гостиной в брюках и рубашке, не смея переодеться. Что-то еще будет, он должен быть в форме. Сердце все еще ныло, в голове шумело. Он почти не спал. Вдруг услышал какое-то скрябанье в замке, потом визгливый голос Верки:

– Вот сволочь, поменял замок.

В дверь раздалось несколько ударов.

«Пусть стучит, я не подойду», – подумал Иван Иванович.

– Ну, ты у меня еще повоешь! – раздалась заключительная угрожающая фраза, и все затихло.

Потом Иван Иванович заснул, проснулся от продолжительного звонка в дверь. Опять, что ли, Верка, подумал он. Не подойду. Но звонок продолжал звенеть. Тогда он встал и неожиданно в глазок двери увидел Катерину.

Что-то случилось на работе, разволновался он и быстро открыл дверь:

– Здравствуйте, заходите. В чем дело?

Катерина смутилась. Ах, да, подумал Иван Иванович, он и забыл, что в квартире кавардак, он еще ничего не прибирал. Постороннему человеку это дико.

– Простите, у меня беспорядок, – выдал он из себя.

– Вижу, потому и пришла.

– Что? – внезапно рассердился Иван Иванович. – Василий Викторович меня выдал?

– Нет, он ничего нам не рассказал. А вот жена ваша Вера звонила.

– Вера! Нагадила и сообщила. Ну вам-то что надо? – удивился Иван Иванович.

– Понимаете, мы на совете бюро решили вам помочь прибраться.

– Да вы что, – со страхом воскликнул Иван Иванович, – в рабочее время личными делами заниматься?

– Я оформила заявление, – хладнокровно произнесла Катерина.

– А это вообще... вообще... – тихо сказал Иван Иванович. – При чем тут мои личные дела и ваше личное время?

– Иван Иванович, мы очень за вас беспокоимся. Позвольте мне прибраться, – настойчиво проговорила Катерина.

– Это кошмар какой-то! – Иван Иванович прошелся по комнате, под ногами заскрипели осколки, он схватился за сердце.

– Вам плохо? – встревожилась Катерина.

– Ерунда! – отмахнулся Иван Иванович, слегка пошатываясь.

– Какая ерунда? – вскрикнула Катерина. – Сердце – это не ерунда. Я купила корвалол. Сейчас принесу.

Не успел Иван Иванович возразить, как Катерина исчезла на кухне. Потом она принесла чашку с лекарством, заставила его выпить и лечь на диван. Он почему-то подчинился ее власти. Лег и даже закрыл глаза.

– Вот так-то лучше, чем ругаться, – уже спокойно сказала Катерина. – Вы лежите, а я буду прибираться. Сначала все подмету... надо же, догадалась муку везде рассыпать.

– Белая смерть, – почему-то жалостливо произнес Иван Иванович.

– Не думайте об этом. Вы будете жить долго и счастливо, – решительно заявила Катерина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.